

*Александр
Тамоников*

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА РЕЙХА

*Москва
2019*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Boris Popchinskiy, Kozlik,
Getmilitaryphotos / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Последняя тайна рейха / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-105457-1

Апрель 1945 года. Померания. Советские войска добивают врага в его логове. Руководство рейха лихорадочно пытается уйти от возмездия. Среди тех, кто готовится к побегу за границу, барон фон Гертенберг, вице-президент общества Аненербе. Эта личность давно интересуется советскую контрразведку. Захватить барона поручено капитану СМЕРШ Олегу Потанину. Под видом бежавшего из плена немецкого офицера он пробирается в замок Гертенберга. Но охрана барона вычисляет Потанина. Расправа неминуема. Капитан уже готовится к самому худшему, как вдруг ситуация резко меняется...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-04-105457-1

© Тамоников А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Маленький городок Швайцбург в Передней Померании застыл в тревожном ожидании. До войны тут проживало чуть более тысячи человек, а сейчас не осталось и половины. Люди бежали от наступающей Красной армии. Министерство пропаганды пока работало. Немцы считали пришельцев с востока неотесанными и безжалостными дикарями, абсолютно неприученными к цивилизации.

В городке оставались только те, кому некуда было податься. Аккуратные разноцветные домики в стиле фахверк как-то съежились, вымерли улицы, мощенные брусчаткой, по-малкивали люди и собаки.

Даже часы на городской ратуше сломались именно в тот день, когда два батальона 24-го стрелкового полка вошли в городок и заняли ключевые позиции. Следом за ними там появились саперная рота и взвод войск НКВД. Эти подразделения тут же занялись своими делами. Первое — разминированием различ-

ных объектов, второе — поиском диверсантов и прочей сомнительной публики.

Возвращаться в Швайцбург герои вермахта не собирались, откатились без боя, оставив городок в целости и сохранности. Линия фронта застыла на западе, километрах в восьми. Приключилась досадная заминка. Отстали тылы, вовремя не подвезли боеприпасы, и вот такая конфузия.

26 апреля советские войска взяли Штеттин, покатались дальше, вошли в Переднюю Померанию, приготовились к броску в Мекленбург, однако получили соответствующий приказ и встали. Три дня в этих местах царила непривычная тишина. На юге пылал Берлин, на улицах шли бои, не за горами центр города и рейхсканцелярия. Красноармейцы добивали фашистов в их логове, а здесь, на севере, все выглядело так, словно не было никакой войны. Солдаты вели себя прилично, мирное население не третируют.

Не сказать, что бургомистр встречал освободителей хлебом-солью, но очень волновался, растекался по древу, выпячивал свое якобы польское происхождение. Дескать, никакой я не немец. Командир полка подполковник Уфимцев раздраженно отмахивался. Ладно, не лезь. Кончилось ваше время. Однако будь любезен находиться поблизости, братец-славянин.

Конец апреля выдался погожим. Робко проклевывались листочки на деревьях, расцветали цветы на карнизах и подоконниках. Иногда по древней брусчатке прогуливались патрули. Штаб полка располагался на главной улице, в здании ратуши, увенчанном остrokонечным шпилем. Парадный вход был закрыт, существовал лишь для красоты. В здание люди попадали, минуя узкий проезд и широкое пространство двора, вымощенное неотесанным булыжником. Здесь находились гараж, подсобные строения.

Несмотря на раннее утро, в бывшей конторе городского управления былолюдно. Гражданских чиновников сменили люди в погонах. Службы полка оккупировали первые этажи. Связисты протянули провода. Сновали часовые с автоматами.

Из открытых ворот гаража торчал проржавевший передок полуторки. Там возились механики. Один периодически запускал мотор, другой рылся под капотом, отпуская матерные замечания по поводу качества сборки легендарного отечественного грузовика.

На крыльце курили офицеры штаба, посмеивались, обсуждали вчерашних гостей, представителей союзных войск, нагрянувших в полк. Что они забыли в этой глуши? Два американца, столько же британцев, все с майорскими погонами. Такое впечатление, что на

экскурсию прибыли. При них фотограф, тип весьма нервный, весь какой-то дерганый.

Сам комдив встречал их на фронтовом аэродроме, поил, кормил, впаривал небылицы, потом возил по населенным пунктам, освобожденным от фашистов, показывал, как нужно воевать. Иностранцы удивлялись. Мол, надо же, Красная армия идет вперед почти без разрушений, а в том же Мюнхене после наших налетов камня на камне не осталось.

С улицы въехал выдавший виды «ГАЗ-64» с единственным пассажиром, он же водитель. Машина встала у крыльца, по соседству с трофейным «Хорхом», у которого почему-то отсутствовали передние колеса. Их временно заменяли стопки кирпичей. Машина досталась победителям в наследство от побитой германской армии. Когда это чудо техники обследовали саперы, колес там уже не было.

Из «газика» выбрался подтянутый элегантный капитан, посмотрел по сторонам, почесал пятерней, как гребнем, ершистые светлые волосы, натянул фуражку. Оправил гимнастерку, смявшуюся под ремнем, забрал с сиденья картонную папку с бумагами. Поморщился, когда из гаража донеслась витиеватая ругань. Этому словесному пассажиру предшествовал хрип взбрыкнувшего мотора.

— Эй, Коваленко, а ну, не ругаться! — крикнул офицер.

Матерный монолог прервался. Нарисовалась чумазая физиономия механика с гаечным ключом в мозолистом кулаке.

— А как не ругаться, товарищ капитан? — обиженно прогудел боец в засаленном комбинезоне. — Мы ее и так, и этак, и по-всякому!..

— А ты ключ выброси, — посоветовал светловолосый капитан. — Не русские люди, что ли? Кувалдой работайте.

Механик озадаченно почесал ключом голову, задумался.

Офицеры на крыльце закончили перекур, по одному втянулись в здание.

Капитан опять осмотрелся, помахивая папкой, направился к крыльцу, вытер подошвы о стальную решетку под лестницей. Потом вошел в здание, посторонился и козырнул. Навстречу ему спешил майор с перекрещенными пушками в петлицах.

Коридор был оформлен помпезно, в стиле мрачноватой готики. Капитан открыл ключом вторую по ходу дверь, вошел в маленький кабинет с непропорционально высоким потолком, бросил фуражку на вешалку.

Помещение было так себе. До пришествия Красной армии здесь трудился помощник бургомистра по вопросам водоснабжения и канализации. Потом этого человека никто не видел, он просто сгинул. Все бумаги, папки, подшитые талмуды оставались в целости, их

собрали в кучу и задвинули в угол. Обустроиваться смысла не было. Полк со дня на день мог двинуться в поход.

Капитан глянул на наручные часы, сел за стол, устремил задумчивый взор на причудливые настенные панели. Потом он раскрыл свою папку и стал изучать неровную машинопись.

В дверь постучали, всунулась постная физиономия офицера с погонами старшего лейтенанта.

— Доброе утро, Олег Петрович! Разрешите?

— Да, безусловно. — Капитан моргнул. — Как вас?.. Станислав Юрьевич, если не ошибаюсь?

— Почти запомнили, — сказал старший лейтенант, вторгаясь в лоно водоснабжения и канализации. — Вячеслав Егорович, старший лейтенант Евсеев, временно исполняю обязанности начальника вещевого службы полка.

— Ладно, запомню. — Капитан улыбнулся. — Что у вас, Вячеслав Егорович?

— Бумагу подпишите. — Евсеев раскрыл потертую папку, выудил мятый лист. — На склад поступило новое обмундирование, а снабженец из дивизии отказывается разгрузить, пока не получит вашу визу.

— Какая проза! — Капитан манерно вздохнул, извлек из нагрудного кармана шариковую ручку британского производства, пока еще диковинную в Советском Союзе, снял колпачок, дыхнул по привычке на стержень. — Давайте

свою бумагу, подпишем, чего уж там, дабы не жаловались на нашу бюрократию.

Без стука отворилась дверь, и порог переступил полноватый майор в полевой форме. За его спиной мерцали еще двое в офицерских фуражках. Он смотрел недобро, поджав губы.

— Разрешите? — Тонкие губы майора перекосила усмешка.

— Подождите, — отмахнулся капитан, не успевший поставить подпись. — Я не могу удовлетворить сразу всех.

Потом он удосужился поднять глаза, и в них мелькнуло беспокойство. Майор вошел, и капитану пришлось встать. Все-таки старший по званию. Старший лейтенант, поколебавшись, тоже поднялся.

— В чем дело, товарищи офицеры? — Голос капитана как-то предательски дрогнул.

Все трое подходили к его столу.

— Доброе утро! Майор Гамарин, третий отдел ГУКР СМЕРШ по девятнадцатой армии. Вы капитан Потанин Олег Петрович, заместитель начальника штаба двадцать четвертого стрелкового полка по строевой части?

— Да, это я. А в чем, собственно, дело? — Капитан справился с собой, его голос сделался ровным, хотя кожа на лице натянулась и побелела.

Испуганно хлопал глазами старший лейтенант Евсеев, смотрел то на майора, то на капитана.

— Вы арестованы по обвинению в пособничестве фашистам и сотрудничестве с германской разведкой. Сдайте оружие и следуйте за нами!

— Что за чушь! — Сохранять хладнокровие было непросто, но Потанин и не старался. — Это ложь, огромная ошибка. Меня назначили на эту должность только два дня назад...

Майор не удержался, сухо улыбнулся, и капитан осекся.

— Так что вы предлагаете, Олег Петрович? Дать вам еще недельку, чтобы вы развернулись от всей души? Нет, мы собираемся пресечь вашу деятельность уже сегодня. Уж извините.

Потанин не успел опомниться. Ему заломили локти, извлекли из кобуры табельный наган. Умелые руки мастерски ощупали карманы кителя, форменные брюки, рукава. Три суровые физиономии висели над душой.

— Следуйте за нами, — сказал Гамарин. — Надеюсь, у вас хватит благоразумия не сопротивляться и не качать права. Этим вы только отяготите свою участь, Олег Петрович.

— Послушайте, это страшная ошибка. Вы совершаете непоправимое!.. — Слова не лезли из горла.

Офицеры подтолкнули к выходу из помещения.

— А как же подпись? — растерянно пробормотал старший лейтенант Евсеев. — Они же не разгрузят, если ее не будет.

— А вы кто такой? — Майор резко повернулся к нему.

— Старший лейтенант Евсеев, временно исполняю обязанности начальника вещевого службы. Тут подпись нужна.

Майор придирчиво уставился в глаза Евсееву, отчего тот окончательно скис, косо глянул на мятую, никому не нужную бумагу. В глазах сотрудника контрразведки СМЕРШ заблестел смешливый огонек.

— Хорошо, распишитесь, Олег Петрович, раз такое дело, — заявил он. — А то ведь действительно с этой вашей волокитой...

Потанин подрагивающей рукой поставил закорючку, облизнул губы. Его подтолкнули в спину. Он споткнулся на пороге. Капитан с вещмешком на плече, идущий навстречу, сделал круглые глаза, прижался к стене, пропуская процессию.

На крыльце курили сержанты из роты связи. Они вытянули физиономии, зачем-то спрятали папиросы за спины, машинально отдали честь арестованному капитану, потом сопровождающим. Потанина столкнули с крыльца — сержанты расслабились, стали перешептываться. На пяточке перед боковым проходом в здание былолюдно. Немая сцена, почти по Гоголю. Механик выбрался из проблемной полуторки, растерянно захлопал глазами.

— Прямо, Потанин, — процедил Гамарин.

Выводить арестованного на главную улицу никто не собирался.

Справа от гаража, между близко посаженными пряничными домиками, имелась арочная подворотня, проход к бывшему полицейскому участку, где были оборудованы подвалы, вполне подходящие для содержания в них всяческих шпионов и их пособников.

У задержанного сдали нервы.

Он дернулся, вырвал локоть и выкрикнул звенящим голосом:

— Вы не имеете права! Это самоуправство, вы дорого заплатите! Я требую встречи с начальником штаба!..

Майор Гамарин тоже не сдержался, ударил арестанта в лицо. Капитан отшатнулся и уже готов был упасть, но его подхватили. Из рассеченной кожи под глазом брызнула кровь, половина лица мгновенно стала пунцовой.

Угрюмо помалкивали люди во дворе. Жизненный опыт подсказывал бывалым военным, что органы НКВД и контрразведки не всегда руководствуются суровой объективностью.

Потанин подавился, зашелся кашлем. Его схватили под локти, потащили в подворотню.

Приземистое здание полицейского участка, приспособленное советскими властями по прямому назначению, охраняли солдаты в форме войск НКВД по охране тыла. Один из них, увидев приближающихся людей, скатил-

ся по лестнице к подвальной двери, заколотил в стальные скобы. Заскрежетало железо.

Задержанного втащили внутрь, тычком отправили по полутемному коридору. Нужная камера располагалась в конце короткого прохода. Сержант манипулировал ключами, подбирая нужный. Заскрежетала стальная дверь, снабженная узким оконцем.

Камера была не такой уж крохотной, метров пятнадцать «полезной» площади. Отхожее место за простенком, зарешеченное оконце-амбразура под потолком. Сырые бетонные стены, примитивные нары слева и справа.

Арестованного капитана без комментариев втокнули внутрь, захлопнули дверь. Заерзал ключ в ржавом замке.

В узилище пахло чем-то сладковатым и гнилым. Возможно, здесь помер какой-то бедолага и хорошо полежал, прежде чем был перемещен в другое место.

На лежанке слева ворочался мужчина, приподнимался.

Капитан Потанин доковылял до свободных нар, уселся, сжал виски руками. Стояла унылая тишина. Текли минуты.

В коридоре скрипели сапоги, там прохаживался часовой. Лязгнул крючок, запирающий окошко, в нем блеснул любопытный глаз. Потом окошко захлопнулось, часовой отправился дальше. Исправлять допущенную ошибку со-